

В совет по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата исторических наук,
доктора исторических наук
Д501.002.12 на базе МГУ имени М.В. Ломоносова

Отзыв

**Официального оппонента на диссертацию Андропова Ильи
Евгеньевича на тему «Межконфессиональная полемика в
западноевропейской церковной историографии XVI века»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук, по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования**

Диссертационное исследование Ильи Евгеньевича Андропова посвящено изучению одной из важнейших проблем исторической науки – процессу формирования истории как гуманитарной дисциплины, которая рассматривается в рамках межконфессиональной полемики в западноевропейской церковной историографии Раннего Нового времени. Это сложный и динамичный период европейской истории – переходная эпоха, суть которой составляет мощный всплеск критического мышления относительно традиции. Юрий Михайлович Лотман очень удачно определил переходную эпоху как момент столкновения чуждых друг другу языков. Столкновение «чуждых языков» действительно знаменует момент «взрыва», который переживается как выключенный из времени, даже если в реальности он охватывает очень большие временные отрезки – в нашем случае более 300 лет. Таким образом, эпоха перемен, зачатую, воспринимается как «безвременье» с характерными для него отрицательными доминантами: крушением «кумиров», разорванностью сознания, массовой аномией.

Разумеется, в указанный период, как и в любую другую кризисную эпоху, особое звучание из всего многообразия форм интеллектуальной деятельности приобретало историческое знание, поскольку во все времена люди, теряющие точку опоры в современности, были склонны отыскивать ее в прошлом. С учетом вышесказанного, не может быть никаких сомнений в

актуальности темы рецензируемой диссертации, которая посвящена основополагающей роли межконфессионального диспута в становлении историописания в Западной Европе Раннего нового времени.

Необходимо отметить, что проблемные, территориальные и хронологические рамки данной работы обоснованы автором вполне убедительно, а избранная тема диссертационного исследования, как показывает анализ современной историографической ситуации, характеризуется научной новизной. С одной стороны, в диссертации проведено комплексное исследование основополагающей роли межконфессионального диспута в становлении европейского историописания, а с другой – проанализирована роль новых подходов к изложению прошлого в утверждении протестантизма в полемике с католическими историками. В работе И.Е. Андропова впервые в отечественной, а в значительной мере и в зарубежной, историографии на основе обширного корпуса сочинений о церковной истории европейских (преимущественно, немецких) авторов XVI в. исследуется отношение к истории в контексте формирования самосознания реформационной и постреформационной Европы и с позиций развития традиций, заложенных в историописании гуманизмом, например, Ульрихом фон Гуттенем и Эразмом Роттердамским.

Несомненной авторской удачей стал выбор стречневых источников исследовательской работы – многотомной церковной истории лютеранских авторов «Магдебургские центурии» и трактата «Церковные анналы» Чезаре Баронио (с. 10-19). Хорошо известно, что именно XVI столетие ознаменовалось в Европе массовым выбросом на книжный рынок протестантской литературы самого разного толка, за очень короткое время приобретшей небывалую популярность. Новая идеология прокладывала себе путь и утверждалась не только на полях сражений, как это было во Франции или в Германии, но и в университетских аудиториях, в церквях и на площадях. И книжное производство активно удовлетворяло спрос на

религиозные и философские трактаты протестантов, памфлеты, полемическую литературу. Охватить сколько-нибудь полно в рамках одного исследования весь этот массив источников было бы абсолютно нереально, тем не менее И.Е. Андронов обратился к «знаковым» произведениям как протестантов, так и католиков этой эпохи. Вместе с тем, круг источников диссертации намного шире упомянутых двух сочинений: он включает в себя несколько десятков работ как церковных историков, так и авторов, уделявших в своих сочинениях значительное внимание церковно-исторической проблематике; сочинения гуманистов; библейские тексты; эпистолярные источники, которые сыграли в диссертации важную роль для воссоздания в диссертации социального и культурного контекстов эпохи, и сочинения античных и средневековых историков (с целью сопоставительного анализа). Общий перечень и объем источников работы не может не внушать уважение. Автор отдает себе отчет о необходимости аргументации источниковой выборки для создания репрезентативного исследования и ее основными критериями считает «наличие концепции и общественный резонанс работы» (с. 11). Эти аргументы, на мой взгляд, вполне допустимы. Особенно хочется отметить использование в работе И.Е. Андронova архивных материалов из библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле – неопубликованных писем членов авторского коллектива «Центурий» и черновики томов этого труда.

Разумеется, анализ столь обширной источниковой базы требует применения самых разных методик, и автор убедительно демонстрирует владением широким спектром исследовательских приемов. Наряду с общенаучными (анализ, синтез, классификация, типологизация) и традиционными историческими методами (историко-генетическим, компаративистским и других) в диссертации большую роль играет текстологический и герменевтический анализ текста, а также представлены элементы микроисторического исследования (круг сюжетов, связанных с анализом отношений внутри авторского коллектива «Центурий») и

просопографического (идентификация и выявление биографических сведений об авторах изучаемых сочинений).

Илья Евгеньевич сумел убедительно продемонстрировать, в каком состоянии на современном этапе развития находится избранное научное направление. Он хорошо ориентируется в зарубежной исследовательской литературе, в том числе и новейших работах, по заявленной им теме (с. 23-47). Отечественных исследований в этой области – единицы, тем более И.Е. Андронову следовало бы обратить внимание на работы Ирины Юрьевны Ващевой о роли Евсевия Кесарийского в становлении раннесредневекового историзма и, особенно, на ее докторскую диссертацию по теме «Феномен “Церковных историй” в эпоху поздней Античности», где значительное внимание уделяется определению понятия «Церковные истории» и утверждается, что «Церковные истории» прекратили свое существование в VII в.

К числу несомненных достоинств работы И.Е. Андропова относится эксплицитно и убедительно сформулированный терминологический аппарат (с. 4-7). Эти операции представляются совершенно необходимыми с учетом мощного развития в последние годы в России исследований по историописанию в различных странах и эпохах. Автор аргументировано останавливается на понятии «историография», опираясь на представление о принадлежности «историографии» в ее современном понимании к «науке», а «историописания» – ко всей совокупности практик, имеющих своим объектом прошлое человечества (с.5). Хотя привлекаемы источники (например, памфлеты или полемическая литература) как раз подпадают под понятие историописание.

При этом, и исследовательские методики, и терминологический аппарат работы полностью соответствуют декларированным методологическим установкам: ориентация на компаративную историю (характерны постоянные сопоставления исторического сознания

реформационной эпохи с одной стороны, и Античности и Средневековья с другой), а также на новую культурную и новую социальную историю.

Автор диссертационного исследования сумел убедительно сформулировать и обосновать ряд особенностей бытования исторического знания в переходную эпоху, отсутствовавших на более ранних этапах: небывалая глубина исторической саморефлексии, доходящей до полной схематизации памяти о прошлом; развитие коммуникативности – стремительная активизация культурных связей, ведущая к складыванию единого информационного пространства, охватывающего едва ли не всю Западную Европу, резкое расширение географического кругозора авторов, сделавшее весьма насущной проблему написания единой, «всемирной» истории (с. 48-146).

Из числа конкретных исследовательских проблем, рассматриваемых в диссертации, особый интерес представляет анализ источников, которыми пользовались авторы историко-теоретических исследований в рассматриваемую эпоху, а также сопоставление «удельного веса» различных традиций (библейской, раннехристианской, античной – греческой и римской, средневековой) (например, с. 53-113). В диссертации наглядно показано, сколь драматически расширился круг доступных трудов по истории у авторов переходной эпохи по сравнению с их средневековыми предшественниками. «Источниковедческая база» новоевропейского историописания включала сочинения древнегреческих, древнеримских, раннехристианских, византийских авторов, сочинения отцов церкви, средневековых хронистов и писателей эпохи Ренессанса. Вместе с тем, не меньшее значение имели и устная традиция, свидетельства очевидцев, собственные наблюдения и сочинения современников – которые теперь (в первую очередь благодаря распространению книгопечатания) становились достоянием общественности гораздо быстрее, чем прежде. В целом же отношении ко всем предшествующим историографическим традициям происходит кардинальный сдвиг: формируется представление о прошлом как

о «другом»; методы критики, характерные для филологии и юриспруденции, переносятся на историю (с.238-270; с. 413-430).

Основная цель представленного диссертационного сочинения сформулирована Ильей Евгеньевичем достаточно ясно и состоит «в том, чтобы, изучив наиболее значимые произведения западноевропейской церковной историографии XVI века, обстоятельства их появления в печати, общегуманитарный, политический и религиозный подтекст, а также вызванный ими резонанс, выявить и оценить прогресс, достигнутый церковной историографией этого периода в области философии истории, методологии и техники исторического исследования, приемов сбора источников и работы с ними» (с. 19). Поставленная цель реализована посредством решения целого ряда исследовательских задач.

Необходимо отметить стройную, продуманную структуру представленной диссертационной работы, которая обусловила возможность довольно полно раскрыть ее цель и поставленные исследовательские задачи. Все части диссертации имеют прочную внутреннюю смысловую связь. Диссертация состоит из введения, где дана общая характеристика работы; четырех глав, направленных на решение поставленных исследовательских задач; заключения, содержащего основные результаты исследования; списка источников и литературы, списка сокращений. Первая глава характеризует место истории церкви в историографическом ландшафте первой половины XVI века; вторая посвящена многоаспектному исследованию «Магдебургских центурий»; третья и четвертая главы составляют единый блок, в котором анализируются антимангезбургская католическая историография XVI века и специально – оформление католической историко-церковной концепции Чезаре Баронио. Главы делятся на параграфы, формулировка которых могла бы в ряде случаев быть более точной. Например, глава II §7. «Некоторые оценки на страницах "Магдебургских центурий"» (с. 285) или глава III §3. «Некоторые отдельные выступления» (с. 366). Названия этих параграфов не отражают их содержания.

К числу несомненных удач диссертации нужно отнести и анализ паратекстов «Магдебургских центурий» и «Церковных анналов». К паратекстам относят разного рода предисловия, посвятительные письма, обращения к читателю, оформленные титульные листы, приветственные стихотворения и эпиграммы, публиковавшиеся внутри книг рецензии на них, а также указатели, индексы, справочные материалы. Здесь И.Е. Андронов применяет методику, разработанную французским историком Жераром Женеттом и показывает какое огромное значение играет изучения паратекста для понимания собственно текста сочинения в Раннее Новое время. Результаты работы И.Е. Андропова и мой собственный опыт убеждают, что паратексты сочинений об истории XVI века могут быть выделены в самостоятельный источниковый комплекс, позволяющий выявить разнообразные коммуникативные, книгоиздательские, образовательные, эрудитские, меценатские, политические и многие другие практики, значительно расширяя при этом источниковое поле новой социальной истории. В тоже время, на мой взгляд, Илья Евгеньевич использовал не все возможности изучения паратекстов, иногда пренебрегая просопографическими штудиями. Вот, например, автор диссертации совершенно справедливо задается вопросом, кто формировал реальный «заказ» на подготовку и издание «Центурий»? Вопрос довольно сложный, потому что ответ на него определяется изучением многочисленных дополнительных источников. На мой взгляд, идеологический заказ, безусловно, исходил из Виттенберга, где свою бурную деятельность развернул скромный профессор греческого языка Филипп Меланхтон. Вообще его роль в формировании, а тем более распространении и утверждении новой религии, на мой взгляд, в отечественной историографии недооценена. Он все еще остается фигурой второго плана. Между тем, очевидно, что именно благодаря его усилиям был сформирован довольно большой круг убежденных протестантов, в который входили и духовенство, и университетская публика, и книгоиздатели, и представители богатейших

европейских родов, и могущественные покровители из ряда власть предержащих. Собственно, и сам Флаций и практически все его сподвижники так или иначе были связаны с Виттенбергом. На мой взгляд, автор диссертации иногда недооценивает значения просопографического метода. Так, безусловно большего внимания заслуживает фигура базельского типографа, напечатавшего и распространявшего первые тома «Центурий» Иоханна Опориния, который вместе со своим партнером Генрихом Петри насыщали книжный рынок Европы сочинениями Николая Коперника, тремя изданиями «Географии» Птолемея с картами и комментариями Себастьяна Мюнцера, который здесь же издал свой собственный труд – «Космографию», замечательный свод историко-географических и биологических сведений об известных тогда странах. Переиздания «Космографии» Мюнцера базельские типографы продолжали до 1628 г. Генрих Петри был членом городского совета Базеля, а Опориний играл значительную роль в управлении Шафранной гильдии базельских типографов и книготорговцев, массово тиражировавшей литературу, так или иначе активно продвигающей протестантскую идеологию. Таким образом, оба партнера могли выступать не просто с личной инициативой издания «Магдебургских центурий», а иметь корпоративную поддержку своих партнеров по цеху и даже города, определено влияя на формирование рынка печатной продукции.

Кроме того, Шафранная гильдия Базеля (точно и этому есть доказательства) находилась под покровительством влиятельнейшего в Германии XVI века аристократического рода Штольбергов-Вернигероде, один из представителей которого – Вильгельм Оранский – руководил армией на стороне гугенотов в третьей религиозной войне во Франции, в другой – Вольфганг Штольберг во время летнего семестра 1521 г. выполнял обязанности ректора Виттенбергского университета и именно он положил начало одной из самых крупных частных библиотек XVI века, которая во второй половине этого века насчитывала более 4 000 томов и, безусловно, центуриаторы могли иметь к ней вполне определенный интерес.

Если представить всю эту информацию, то становится ясно почему в третьей «Центурии» имеется посвящение Людвигу, Генриху, Альберту Георгу, Вольфгангу Эрнесту, Иоганну и Генриху – графам Штольбергским, Кёнигштайнским, Рутцефортским, Вернигеродским, государям Эпштейнским, Минценбергским, Бройбергским и пр. (с. 231). По изданию XVII века Петро Спенеро полный титулаж графского рода Штольбергов выглядел так: графы Штольберг, Кенигштайн, Рутценфорт, Вернигероде и Хонштайн, Эппштайн, Мюнценберг, Аигмонт, Лора и Клеттенберг. Представители всех этих немецких и швейцарских аристократических фамилий, породненные со Штольбергами, были сторонниками реформированной церкви, активными, воинствующими и влиятельными участниками событий XVI в. в Германии.

Но если проект «Центурий» имел столь мощную финансовую поддержку, то важна ли была его коммерциализация, на которой настаивает Илья Евгеньевич? Если Штольберги прекратили поддержку подготовки и издания «Центурий», то с чем это было связано? Может быть с конфликтом Флация – Меланхтона, с изменением идеологической парадигмы или с чем-то еще?

Далее, остановимся на одной из задач диссертационной работы, а именно, исследование и описание, так называемого, «локального метода», примеров его применения. В контексте интенсивного развития локальной и новой локальной истории дефиниция «локальный метод» представляется не совсем удачным. Точнее, на мой взгляд, использование устоявшихся понятий «общее место» (в переводе с латыни) или топос (по-гречески). Отметим, что Илья Евгеньевич достаточно глубоко проанализировал использование топосов в схоластике, в католической и протестантской традициях.

Кроме того, проблема «общих мест» в риторической топической системе является дискуссионной. Не совсем ясно использование автором диссертации термина «локус» («место»), при том, что в исследовательской традиции имеется термин «топос» – слово многозначное, многоаспектное, но

в любом его значении закладывается поиск возможности найти подход для решения той или иной проблемы и обосновывать его. Топ является важнейшей составной частью аргументации и выступает как критерий приемлемости умозаключения независимо от его логической правильности. Складывается впечатление (например, с. 220), что под «локусом» Илья Евгеньевич подразумевает определенные наборы цитат. В связи с этим отметим, что автору диссертационного исследования следовало бы четко определиться в терминологии столь важного сегмента своей концепции.

Кроме того, и «Центурии», и «Анналы» Баронио по сути являются информационными справочниками, своеобразными энциклопедиями по церковной истории, направленными на то, чтобы обеспечить диспутантов «исторической» аргументацией («правильными» цитатами) основные положения идеологии протестантизма и католицизма периода Контрреформации. С учетом этого идеологического контекста, нам представляется излишней модернизацией говорить о становлении церковной истории как науки или о методологии исследования прошлого центуриаторами или Баронио. Было бы точнее, называть вещи своими именами, как их называют и собственно авторы исследуемых источников – сфера знаний (сумма) и методы (способы, пути) изложения материала.

Эти недочеты, на наш проистекают по причине того, что церковная история рассматривается автором диссертационной работы в некотором отрыве от тех общих процессов, которые происходили в области осмысления и систематизации знаний о прошлом в XVI веке, который по праву считают эпохой историографической революции, порожденной общеевропейским системным кризисом и распространением нового носителя знаний – печатной книги.

Было бы интересно сопоставить «выборки» цитируемых авторов в стержневых источниках с широко распространенными в это время библиографическими словарями. Ведь уже в Средние века господствующим типом библиографических произведений являлись библиографические

словари церковных писателей. Таким был и первый печатный библиографический труд – «Книга церковных писателей» Иоганна Триттенхеймского ("Liber de scriptoribus ecclesiasticis"), изданная опять же в Базеле в 1494 г., в которой учтено свыше 9 000 произведений 963 писателей-богословов.

Кроме того, в 1545 – 1555 гг. в Цюрихе у типографа Христофора Фрошвера была издана вершина европейской библиографии со времени её возникновения, безусловно повлиявшая на формирование сочинений об истории в XVI в., книга швейцарского учёного Конрада Геснера «Всеобщая библиотека» ("Bibliotheca universalis"). Это алфавитный указатель всех авторов и их сочинений на латинском, греческом и еврейском языках, известных на момент выхода книги. Для каждого автора даются определенные биографические сведения. Всего в «Библиотеке» фигурируют сведения о 12 000 произведений более чем 3 000 авторов, что было феноменальным достижением для середины XVI века. Однако главной заслугой Геснера современники считали скорее вторую часть компендиума, так называемые «Пандекты», где научные сведения систематизируются под предметными рубриками. Впервые в истории знаний все или почти все понятия были разбиты на тематические группы, а в приложении дан алфавитный список около 4 000 «общих мест» или топосов, позволявший читателю «Библиотеки» отыскать необходимые сведения.

В контексте вышесказанного, отметим, что было бы целесообразно сравнить использование систематизации (именно так) материала посредством «общих мест» у Геснера и центуриаторов. Возможно сходства здесь будет больше, чем различий.

Кроме того, на наш взгляд, центуриаторы (среди которых были и правоведы) могли активно переносить на свои сюжеты уже хорошо разработанные к тому времени в юриспруденции методы критики источников права.

Хотелось бы отметить высокий уровень организации Заключения к работе, которое подводит ясные и логически следующие из исследования выводы и итоги работы. Сделанные мною по ходу отзыва предложения и дополнения нисколько не умаляют высокой оценки проведенного Ильей Евгеньевичем исследования колоссального комплекса источников и, скорее, они направлены на продолжение изучения заявленной проблематики.

Перспективы практического применения результатов диссертационной работы не вызывают сомнений. Положения этого исследования могут быть использованы при разработке и изучении курсов историографии истории церкви, истории исторического знания, а также в общих курсах по историографии Раннего Нового Времени, истории культуры, истории отдельных европейских стран, истории религии. Кроме того, они могут использоваться при дальнейшей разработке исследований широкого круга проблем истории Реформации и Контрреформации, Раннего Нового времени, книжной культуры, а также в комплексных междисциплинарных исследованиях.

Диссертация прошла необходимую апробацию. Ее результаты отражены в 32 публикациях, среди которых – две монографии и 16 статей в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для публикации результатов научных исследований.

Диссертация и автореферат И.Е. Андропова оформлены в соответствии с правилами, установленными ВАК при Минобрнауки России. Автореферат отражает основные положения и выводы диссертации и позволяет получить исчерпывающее представление о проведенном исследовании.

Диссертационное исследование И.Е. Андропова на тему «Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века» является оригинальным, законченным, актуальным научным исследованием, удовлетворяет требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением

Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 30 июля 2014 г. №723), а ее автор, Андронов Илья Евгеньевич, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра истории исторического знания
Института всеобщей истории РАН: М.С. Бобкова

25 января 2016 года

ФГБУН Институт всеобщей истории РАН,
119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Телефон: +7 (495) 938-10-09 (секретариат)
Факс: +7 (495) 938-22-88
E-mail: dir@igh.ru
Официальный веб-сайт: <http://www.igh.ru>

